

Премьера

ВОЛНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Сегодня в театре «Эстония» — премьера оперы Модеста Мусоргского «Хованщина». Режиссер-постановщик — народный артист СССР, лауреат Государственных и Ленинской премий, профессор Борис Александрович Покровский.

«В «Хованщине» есть то волнение человеческой души, которое существует вечно», — говорит Борис Александрович Покровский и продолжает:

— До гениев нужно расти. Если мы не понимаем гения, то это не его вина, а наша. Мы должны учиться понимать. Если же что-то нашему пониманию недоступно, то не значит, что этого вообще в природе нет. Или, к примеру, истребить нужно — что не понимаем. Напротив — требуется воспитывать в себе понимание, иногда даже принуждая себя, по своему опыту знаю. Был в жизни такой случай. Совсем молодым режиссером приехал я в Москву. И вдруг тогдашний главный дирижер Большого театра Самосуд говорит, что вечером Сергей Сергеевич Прокофьев сыграет нам свою новую оперу «Война и мир». Вечером приходим мы в гостиницу — а война, света нет, коптилки зажжены ка-

что серьезную музыку не нужно рекламировать. Мол, неудобно, она сама за себя говорит. Зачем пропагандировать Моцарта, Бетховена, того же Мусоргского... Вот рок-группу рекламировать надо, особенно если она плохая. Сколько замечательно красивых плакатов пропагандируют искусство артистов эстрады. А видели вы когда-нибудь красивый плакат, скажем, Святослава Рихтера? Или скрипача знаменитого? Или оркестра? Не видели. И видеть не могли. Такое положение у нас, к сожалению, твердо укоренилось, ломать его надо.

Надо рекламировать Мусоргского. Надо рассказывать об его операх, открывать их глубину для публики. Мусоргского довольно часто ставят — «Бориса Годунова», в основном, — но оперы его «шлягерными» не назовешь.

Тем большая заслуга театра «Эстония» — он взялся за Мусоргского, зная, что это

природе нет. Ии, к примеру, истребить нужно — что не понимаем. Напротив — требуется воспитывать в себе понимание, иногда даже принуждая себя, по своему опыту знаю. Был в жизни такой случай. Совсем молодым режиссером приехал я в Москву. И вдруг тогдашний главный дирижер Большого театра Самосуд говорит, что вечером Сергей Сергеевич Прокофьев сыграет нам свою новую оперу «Война и мир». Вечером приходим мы в гостиницу — а война, света нет, коптилки зажжены какие-то, — Прокофьев садится за рояль и играет нам оперу. Я сижу, слушаю, и вдруг в какой-то момент отчетливо понимаю, что она мне не нравится. Не нравится — и все. Я смотрю на Самосуда — и вижу, что он плачет. Плачет — от восторга. Вот тут-то я задумался: почему этот замечательный дирижер, которому я очень верю, восхищен этой музыкой, а я нет. Я должен был сделать над собой усилие, понять то новое, что принес Прокофьев, услышать его. И когда я понял — «Война и мир» стала одной из моих любимых опер. Я не стыжусь рассказывать об этом случае — что было, то было.

Но теперь, когда я наблюдаю бесконечные конфликты в публике — одни Бетховена не признают, другие рок-музыку отвергают, третьи еще что-то — знаю, что между теми и другими никакой принципиальной разницы нет. И те и другие не признают — ибо не знают. Все беды от невежества. Я старый человек, много видел, поэтому никогда не устаю повторять: нельзя бросать себя в мусорный ящик. Чего не понимаешь — старайся понять.

Вы не думайте, что я далеко от «Хованщины» ушел. Все к этому веду. Шуман говорил: «Каждая эпоха слышит по-своему». XVIII век — одна музыка, XIX — другая, XX — совсем другая. Но в любой эпохе почему-то гениев, дающих новое качество, не признавали сразу. Во Флоренции скульптуры Микеланджело забрасывали камнями, на премьере «Кармен» свистели. «Травиата», такая легкая сейчас, тоже не сразу была принята. Так было, есть и будет. Большинство людей предпочитает новизне — привычное.

А оперы Мусоргского среди мирового репертуара занимают очень серьезное место. По существу говоря, с его открытий в оперной музыке и началось развитие музыки современной — через Дебюсси, Равеля, Стравинского, Шостаковича и так далее. Но и сегодня одна часть публики Мусоргского считает гениальным, а другая — нет. Это и к среде работников искусства относится, здесь невежество встречается довольно часто, только говорить об этом как-то не принято. Да и вообще — если публика не идет на серьезную сложную музыку, то почему-то считается, что об этом не надо писать, говорить, лучше сделать вид, что все в порядке, все хорошо. Это неправильно! Мы стыдливо считаем,

спасем, свистослава Гянте-ра? Или скрипача знаменитого? Или оркестра? Не видели. И видеть не могли. Такое положение у нас, к сожалению, твердо укоренилось, ломать его надо.

Надо рекламировать Мусоргского. Надо рассказывать об его операх, открывать их глубину для публики. Мусоргскому довольно часто ставят — «Бориса Годунова», в основном, — но оперы его «шлягерными» не назовешь.

Тем большая заслуга театра «Эстония» — он взялся за Мусоргского, зная, что это работа и сложная, и трудная. Мусоргский требует не только сердечного понимания, но мыслительного аппарата, его нужно не только чувствовать, но понимать — это признак современного искусства. Он требует знания истории — и на основе истории раскрывает нам тайны человеческого бытия.

В «Эстонии» «Хованщина» ставится впервые. Не знают ее и в Финляндии, куда спектакль приглашен на оперный фестиваль в Савонлинна. Хотя и за рубежом «Хованщина» пусть не часто, но все-таки ставилась, в том числе и в Америке, и в ФРГ.

В «Хованщине» есть то самое волнение души человеческой, которое существует вечно. В «Хованщине» речь идет о расколе русской церкви в XVII веке, о стрелецких бунтах, о борьбе за власть. С одной стороны — Петр I, с другой — царевна Софья и стрельцы. Но за внешними событиями скрыта ситуация переживания прошлого — а это и есть движение вперед. В «Хованщине» действуют люди больших страстей, умные, властные натуры. Раскол — явление исторически обреченное, это заблуждение, но сторонники раскола верят в него искренне, убеждены, что идут на костер за правое дело. Обе стороны в борьбе за власть считают, что действуют в интересах народа. На чьей стороне правда? Ни один музыкант так глубоко не раскрывал человека, как Мусоргский. Он гениально умеет показать в музыке разноречивость одного и того же характера или явления. Он не дает однозначного ответа, хорош или плох тот или иной герой. Он разный. Для друзей — один, для врагов — другой. Петр был жесток, много людей погубил и знал — для чего он их губит. Но если бы в той ситуации победили стрельцы, Россия была бы отброшена на много веков назад. Так какой он — Петр? Хороший или плохой? Разный — и в этом правда.

Наша главная задача — чтобы зрители вникли бы в ситуацию, прониклись бы эпизодами, за которыми встает картина человеческого существования.

Я убежден, что Мусоргский сегодня необходим, может быть, даже более других.

Э. КОЙТ.

На снимке: сцена из спектакля.

Фото Х. ГААРНЕ.